

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ
ВУДХАУС

Тетки – не джентльмены

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Pelham Grenville Wodehouse
AUNTS AREN'T GENTLEMEN

Перевод с английского *Н. Васильевой*

Печатается с разрешения The Trustees of the
P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Тетки — не джентльмены : [роман] / Пелам Гренвилл Вудхаус ; [перевод с английского Н. Васильевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-17-166583-8 (С.: Дживс, Вустер и все-все-все)
Серийное оформление и дизайн обложки *А. Орловой*

ISBN 978-5-17-107199-8 (С.: Эксклюзивная классика)
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

По предписанию врача Берти Вустер отправляется в деревню восстанавливать здоровье. Но вскоре отдых нарушен чередой событий с участием эксцентричной девушки, ее маниакально ревнивого жениха и грубияна-папаши, соседа-полковника, имеющего все основания подозревать, что под личиной Вустера скрывается знаменитый вор экстра-класса, и тетушки Далии, придумавшей поистине дьявольский план, как выиграть на местных скачках...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1974
© Перевод. Н. Васильева, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

Глава 1

Если мне не изменяет память, я пел арию тореадора из оперы «Кармен», когда, лежа в ванне, заметил на груди пятнышки. Розовые, как первые проблески зари. Я с беспокойством разглядывал их. Мне не свойственно паниковать по пустякам, но я решительно отказываюсь быть пятнистым, наподобие пардуса, по выражению Дживса, а этот самый пардус вроде бы из того собачьего семейства, название которого начинается на букву «д».

— Дживс, — сказал я за завтраком, — у меня на груди появились пятнышки.

— Вот как, сэр?

— Розовые.

— В самом деле, сэр?

— Мне они не нравятся.

— Вполне понятная неприязнь, сэр. Позвольте спросить, они зудят?

— Вроде бы да.

— Я бы не рекомендовал их чесать.

— Тут я не согласен. Против пятнышек следует применять решительные меры. Помните, что сказал поэт.

— Сэр?

— Поэт Огден Нэш*. Он написал стихи в защиту привычки чесаться. Кто такая Барбара Фритчи, Дживс?

— Это леди, сэр, которая стяжала себе славу во время войны между Севером и Югом в Америке.

— Женщина с сильным характером? И ей можно полностью доверять?

— Насколько мне известно, да, сэр.

— Так вот что написал поэт Нэш. «Барбару Фритчи я почитаю и с полной уверенностью утверждаю: старушка смело бралась за дело и чесала там, где у нее зудело»**. Но я не ограничусь чесанием. Я обращусь к помощи опытного врача.

— Весьма благоразумное решение, сэр.

Трудность заключалась в том, что если не считать кори, перенесенной в младенчестве, я никогда ничем не болел и знакомых вра-

* Огден Нэш (1902—1971) — американский поэт, автор парадоксальных юмористических стихотворений, продолжатель традиции «поэзии нонсенса».

** *Огден Нэш. Долой табу.*

чей у меня не было. Но тут я вспомнил, что мой американский приятель, Типтон Плимсол, с которым мы обедали накануне вечером по случаю его помолвки с Вероникой, единственной дочерью полковника и леди Гермион Ведж из Бландингс-Касл, что в Шропшире, упомянул какого-то врача, который однажды ему здорово помог. Я решил позвонить Типтону, чтобы узнать имя и адрес этого врача.

Типтон долго не брал трубку, а когда наконец ответил, принялся возмущаться, что его разбудили в такую рань. После того как он излил мне душу, я сменил тему и, в свою очередь, тоже излил ему душу, и тут он проявил участие и сообщил мне необходимые сведения. Все разузнав, я вернулся к Дживсу.

— Я поговорил с мистером Плимсолом, Дживс, и теперь знаю, что делать. Он настоятельно рекомендует, не теряя времени, обратиться к медику Э. Джимпсону Мергэтройду. По его словам, если мне нужен врач-весельчак, который, тыча в ребра стетоскопом, расскажет сначала анекдот о двух ирландцах по имени Пэт и Майк, а потом о двух шотландцах по имени Майк и Сэнди, то в таком случае Э. Джимпсон мне не подходит. Если же я ищу врача, который знает, как лечить пятнышки, то, вне всякого сомнения, именно

он мне и нужен, поскольку изучил эти самые пятнышки вдоль и поперек и лечит их, можно сказать, с детства. Оказывается, с Типтоном недавно приключилась такая же беда, и Мергэтройд в два счета вернул его к жизни. Так что пока я переодеваюсь в нечто более импозантное, пожалуйста, свяжитесь с ним и узнайте, когда он сможет меня принять.

Едва я скинул свитер и фланелевые брюки, в которых завтракал, как Дживс сообщил мне, что Э. Джимпсон ждет меня в одиннадцать. Я поблагодарил его и попросил позвонить в гараж, чтобы мне подогнали машину без четверти одиннадцать.

— Немного раньше, сэр, позволю себе предложить, — сказал Дживс. — В городе оживленное движение. Не лучше ли взять такси?

— Нет, и вот почему. Я намерен после визита к врачу съездить в Брайтон и глотнуть морского воздуха. Вряд ли оживление на улицах будет больше, чем обычно.

— Боюсь, это не так, сэр. Сегодня утром проводится демонстрация протеста.

— Как, опять? Похоже, последнее время их устраивают каждый час, правда?

— Верно, сэр, редкими их не назовешь.

— Не знаете, по какому поводу протестуют сегодня?

— Затрудняюсь ответить, сэр. Повод может быть любым. Народ недоверчив, склонен роптать и, как повелось, власть во всем обвинять.

— Поэт Нэш?

— Нет, сэр, поэт Геррик*.

— Сказано довольно-таки язвительно.

— Да, сэр.

— Интересно, чем его так допекли. Наверное, оштрафовали на пять фунтов за то, что он не прочистил трубу у себя на крыше.

— Я не располагаю сведениями на этот счет, сэр.

Спустя несколько минут я уже сидел за рулем своего спортивного авто, направляясь на условленную встречу с Э. Джимпсоном Мергэтройдом. Для больного, у которого на груди высыпали пятнышки, я чувствовал себя до странности легко и беспечно. Утро было великолепным, я быстро катил вперед и готов был запеть от избытка чувств. Но вскоре мой автомобиль поравнялся с толпой демонстрантов и застрял. Я откинулся на спинку сиденья и стал благодушно наблюдать за происходящим.

* Роберт Геррик (1591—1674) — английский поэт, принадлежавший к школе кавалеров, разновидности куртуазного барокко.

Глава 2

Не знаю, по какому поводу протестовали эти бедолаги, но он явно задевал их за живое. К тому времени, когда моя машина оказалась в окружении демонстрантов, многие из них уже переходили от диких воплей на язык бутылок и камней, и полицейским, которые там присутствовали в изрядном количестве, это, похоже, не особенно нравилось. Вот уж кому не позавидуешь в подобных ситуациях, так это полицейскому. Всякий, кому не лень, может запустить в него бутылкой, но если он попробует швырнуть ее обратно, то завтра все газеты поднимут вой, обличая зверства полиции.

Однако терпение даже самого кроткого полицейского не безгранично, и мне показалось — а в таких делах у меня есть опыт, — что еще мгновение, и глубины ада содрогнутся. Чего доброго, машину мне поцарапают.

Во главе демонстрации шла девушка, я присмотрелся к ней и с удивлением понял, что она мне знакома. По правде говоря, я даже когда-то делал ей предложение. Ее звали Ванесса Кук, мы познакомились на вечеринке с коктейлями, и она была столь ослепительно прекрасна, что не прошло и двух минут после того, как я принес ей мартини и порцию ма-

леньких сосисок на шпажках, а я уже сказал себе: «Смотри, Бертрам, дело стоящее. Вперед, не упусти свое счастье». И по истечении положенного срока предложил ей слияние фирм. Но увы, я был не в ее вкусе, и из этого ничего не вышло.

Разумеется, тогда сердце Вустера было разбито, но теперь, оглядываясь на почившее прошлое, я вижу, что мой ангел-хранитель не дремал и заботился о моем благе. Иными словами, ослепительная красота — это, конечно, замечательно, но не в ней счастье. Воображаю, какая семейная жизнь ждала бы меня с этой юной красоткой. Она бы только и делала, что бегала на демонстрации, а мне пришлось бы ее сопровождать и бросать бутылки в полицейских. Страшно подумать, во что бы я влип, будь хоть немного привлекательнее. Эта история послужила мне хорошим уроком — никогда не теряй веру в своего ангела-хранителя, поскольку они, эти самые ангелы-хранители, вовсе не дураки.

Рядом с Ванессой Кук шагал здоровый верзила без шляпы, который тоже оказался мне знаком. Это был О. Дж. (Орло) Портер. В Оксфорде мы жили по соседству, здоровались, встречаясь на лестнице, да иногда одалживали друг у друга чашку сахара, только и всего. Ни-

какой дружбы между нами не было, поскольку Орло подвизался в профсоюзе, где, по слухам, выступал с пламенными, крайне леворадикальными речами, а я из тех людей, которым нравится просто жить в свое удовольствие.

Отдыхали мы тоже по-разному. Орло, вооружившись биноклем, все свободное время наблюдал за птицами, изучая их повадки. Меня же подобное занятие нисколько не вдохновляло. Не понимаю, что в нем хорошего? Встретившись с птицей, я дружески машу ей рукой в знак того, что не желаю ей ничего худого, но прятаться в кустах, подглядывая за пташками, — нет уж, увольте, это не по мне. Так что, повторяю, Орло Портер не входил в число моих приятелей, но мы всегда неплохо ладили и теперь, встречаясь по окончании университета, общались как старые знакомые.

В Оксфорде ему предрекали бурное политическое будущее, и пока оно не наступило, Орло служил в Страховой компании Лондона и близлежащих графств, зарабатывая на хлеб насущный тем, что уговаривал несчастных простаков — и меня в том числе — выложить за страховку более значительную сумму, чем входило в их намерения. Из оратора, поднаторевшего произносить пламенные, крайне леворадикальные речи, само собой получает-

ся ловкий страховой агент — он всегда найдет *mot juste**, и лексикон у него богатый. Вот и я, как говорится, пал жертвой красноречия Орло Портера.

Швыряние бутылками достигло наивысшего накала, и я уже не на шутку опасался за свою машину, как вдруг случилось нечто, изменившее ход моих мыслей. Дверца машины распахнулась, и то, что в газетах называют упитанным мужским телом, плюхнулось на сиденье рядом со мной. Не скрою, я испытал некоторый испуг, поскольку мы, Вустеры, не привычны к такого рода визитам вскоре после завтрака. Я уже открыл было рот спросить, чем обязан, но тут увидел рядом с собой в машине Орло Портера собственной персоной. Вероятно, когда передовые части демонстрантов скрылись у меня из виду, он что-то такое сказал или сделал, что переполнило чашу терпения лондонских полицейских, и ему пришлось спешно уносить ноги. Всем своим видом Орло Портер напоминал загнанную лань, которая страстно желает к прохладным потокам**.

Посреди большого города, конечно, не найти прохладных потоков, но кое-что я мог

* Точное слово (*фр.*).

** Библия. Псалтырь. Псалом 41:2.

предложить, чтобы взбодрить его упавший дух. Указав на шарф клуба «Трутни», лежавший на сиденье, я в то же самое время протянул Орло Портеру свою шляпу. Он надел их и столь нехитрым способом совершенно изменил свою внешность, что оказалось как нельзя кстати. К машине приближались полицейские, но они искали человека без головного убора, а на голове Орло со всей очевидностью красовалась шляпа, и полицейские прошли мимо. Правда, я остался с непокрытой головой, но одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять: такой блестящий щеголь никак не может быть той подозрительной личностью, которую они ищут. Через несколько минут толпа рассеялась.

— Жми, Вустер, — скомандовал Орло. — Поторапливайся, черт тебя подери.

В его голосе звучало раздражение. Я вспомнил, что он всегда был раздражителен, и его можно понять. Мало того что живешь с именем Орло, еще и торгуешь вразнос страховыми полисами, хотя когда-то мечтал сотрясать палату общин пламенными речами. Поэтому, приняв во внимание его душевное состояние, я не стал обижаться, если обида — подходящее слово для обозначения того чувства, которое испытываешь, когда тобой на-

чинают понукать. Я нажал на газ, Орло сказал «у-уф» и вытер пот со лба.

Я не знал, как мне себя вести. Орло все еще тяжело дышал, будто загнанная лань, но некоторые, когда дышат, будто лани, любят сразу же выложить вам, в чем дело, а другие, напротив, тактично помалкивают. Я решил рискнуть.

— Небольшое затруднение? — спросил я.

— Да.

— Бывает, когда участвуешь в демонстрациях. Что случилось?

— Я врезал полицейскому.

Теперь понятно, почему он немного взволнован. С полицейскими лучше не связываться, а если пришлось кому-то из них врезать, то делать это следует с осторожностью. Я стал попытаться дальше:

— Была какая-то особая причина? Или просто так вдруг взбрело в голову?

Орло заскрежетал зубами. Он рыжий, а я по опыту знал, что в напряженные моменты у рыжих всегда повышается кровяное давление. Вспомните, как расправилась с Марией Шотландской рыжая королева Елизавета I.

— Он попытался арестовать женщину, которую я люблю.

Ясное дело, кто бы стерпел на его месте. На своем веку я влюблялся много раз, правда

ненадолго, но если бы на моих глазах любимую женщину зацапала полиция, я бы за себя не поручился.

— А что же она натворила?

— Мы вместе шли во главе демонстрации, она громко кричала, что естественно для благородной девушки, когда ее захлестывают эмоции. Полицейский велел ей замолчать. Она ему ответила, что живет в свободной стране и имеет право кричать сколько хочет. Он сказал, что у нее нет права кричать то, что она кричит. В ответ она обозвала его казаком и ударила. Тогда он ее арестовал, и тут я ему врезал.

Мне стало жаль побитого полицейского. Как я уже сказал, Орло — мужчина крупного телосложения, и Ванесса — девица рослая и крепкая, рука у нее тяжелая. Так что полицейский, пострадавший от этой парочки, вполне мог считаться раненым в сражении.

Однако сейчас другое занимало мои мысли. Слова «мы вместе шли во главе демонстрации» заставили меня вздрогнуть. В сочетании с предыдущей фразой «женщина, которую я люблю» они могли означать лишь одно.

— Боже праведный, — произнес я, — Ванесса Кук и есть та женщина, которую ты любишь?

— Да, это она.

— Славная девушка, — кивнул я, немного лести никогда не повредит. — И по части ослепительной красоты входит в первую десятку.

Я сразу же понял, что перестарался с комплиментами, мои слова подействовали на Орло самым неприятным образом. Его глаза выпучились и засверкали, словно он вот-вот разразится пламенной, крайне леворадикальной речью.

— Ты ее знаешь? — спросил он низким сдавленным голосом, похожим на хрип бульдога, у которого в глотке застрял здоровенный кусок мяса. Я понял, что надо соблюдать осторожность, так как, судя по всему, в душе Орло зашевелилось, как говорит Дживс, чудище с зелеными глазами, глумящееся над своей жертвой*. А когда в дело вступает зеленоглазое чудище, можно ждать чего угодно.

— Немного, — ответил я, — совсем немного. Мимолетное знакомство на вечеринке.

— И это все?

— Все.

— Между вами не было, как бы это выразиться, в некотором смысле близости?

* Уильям Шекспир. Отелло. Акт III, сцена 3. — Перевод М. Лозинского.